

**Тот самый,
кого ждали**

УТИХЛИ споры...

Ладно, скажем осторожнее — утихают.

Вышли пластинки. Вышла книга «Нерв». Большая передача была по Всесоюзному радио. Телевидение показало снятый шесть лет тому назад сюжет от первого до последнего кадра. В репортажах из Афганистана звучал неповторимый голос: «Сыновья уходят в бой». Серьезные журнальные публикации о Высоцком исчисляются десятками — от молодежной «Авроры» до академических «Вопросов философии». Его именем названа планета. Появилось несколько диссертаций, посвященных его творчеству. Эльдар Александрович Рязанов без колебаний пожертвовал своим участием в кинопанорамах, лишь бы ничто не мешало работе над полнометражным документальным фильмом о поэте...

Рассеивается интригующая дымка невысказанности, досужих, порою вполне доброжелательных, а все же домыслов. Запретный плод сладок? Но внят запреты, а цветы на Ваганьковском все свежи и свежи.

«На братских могилах не ставят крестов, и вдовы на них не рыдают. К ним кто-то приносит букеты цветов и вечный огонь зажигает». Этой песней он неизменно начинал свои выступления — в столичном ли Доме ученых, на Ленских приисках, в студгородке Нью-Йоркского штатного университета, в клубе доместрой шахты, на сборах хоккеистов перед поездкой к канадским профессионалам или в изысканном парижском концертном зале. Словом, везде.

А потом, когда обрывался его голос и несколько характерных быстрых ударов по гитарным струнам резко отчеркивали песню, он говорил так: «Я нарочно начал с этой песни, чтобы у вас исчезли сомнения, что перед вами тот самый, кого вы ждали».

Помните, как мы его ждали?.. В Набережные Челны, где разворачивалось строительство огромного автозавода, труппа Театра на Таганке прибыла на теплоходе. От пристани к гостинице шли примерно с километр. Это был километр распахнутых настезок окон новых домов и общежитий. На каждом подоконнике звучал магнитофон. Голос Высоцкого, множество голосов Высоцкого сплетались под глубоким июльским небом. Немного из здешних ребят видели его прежде живые. Но были они молоды, сильны, жизнерадостны и потому без колебаний считали его своим. А что, разве не здесь разглядел он своего мужественного и великодушного шофера? «Я вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом.

С людьми в ладу, не помыкал, не понукал. Спины не гнул, прямым ходил, и в ус не дул, и жил как жил, и голове своей руками помогал».

Да, среди молодых он был свой. А среди ветеранов? Бывалых, все повидавших, оставивших свою юность на войне и потому недоступных соблазнам моды?

«Братские могилы» — не визитная карточка Высоцкого. «А в вечном огне видишь вспыхнувший танк, горящие русские хаты, горящий Смоленск и го-

**«Я не бард,
не менестрель,
я сам по себе»**

Итак, называть «Братские могилы» визитной карточкой Высоцкого было бы неправильно — а как верно? Ведь не бедностью же выбора объясняется исполнительская последовательность поэта, у которого то ли семьсот, то ли тысяча песен — «на неделю, если закрыться на

телесную оболочку стремится разорвать человеческий голос, — писала Н. А. Крымова, одна из самых чутких, самых первых исследователей. — Вблизи это зрелище было почти страшным. А издали, из последних рядов зрительного зала, оно казалось вообще нереальным — какой-то невесомый комочек тела, быстрая, звериная легкость поступи и вместе с тем устрашающе мощная сила звука».

А поэзия... Страна поэзии! Огромная страна со множеством климатических и часовых поя-

сокции, с которым я выходил из окружения под Оршей?». «Здравствуй, Володя! После того, как тебя ранило осколком мины, я воевал еще год...» Порою Высоцкий оглашал такие отрывки из писем, во множестве получаемые им от ветеранов. Чаще — нет. Но, конечно же, он гордился этим бесхитростным подтверждением достоверности подробностей ратного труда и воинского быта, рожденных его творческим воображением.

Как и всякий интеллигентный человек, Высоцкий был сурово

ездки далеко вовек, бесповоротно, угодники идут легко, пророки — неохотно».

Неведомо как, но неизменно добывал правду о войне человек, родившийся 25 января 1938 года. Предупреждал честно: «Я не воевал, мне не довелось». Разумеется, кое-какие воспоминания сохранились: «Маскировку пытался срывать я. Пленных гоним — чего ж мы дрожим? Возвращались отцы наши, братья по домам по своим да чужим».

Встречаясь с людьми, Высоцкий рассказывал о своей работе охотно. Не лукавил, но и души своей перед сотнями незнакомых нарастающую не распахивал. Оно и внятно: не мог же он на полном серьезе вещать об ответственности таланта перед народом, о муках неустанных заполночных поисков единственного слова. Отмалчивался: «Моя кухня вам неинтересна». Отшучивался: «Ей-богу, у меня был один знакомый попугай в Одессе, он разговаривал на многих-многих языках». Свои вызывавшие восхищение находки относил на счет жанра авторской песни, которая, мол, в отличие от номера профессиональной эстрады никогда не может быть заучена, а потому подвижна, гибка, изменчива под сердцебиение ей внимающих...

И даже свой поразительный дар поэтического перевоплощения, когда его «я» становилось неотрывным от «я» множества людей разных возрастов, национальностей, способностей добывать пропитание, социальных положений, словом, судеб — даже этот дар он причинно выводил из своей профессии актера.

Подходя чисто анкетно — похоже на правду. В 1956 году студент инженерно-строительного института Высоцкий, завершив уже под утро курсовой чертеж, налил себе еще одну, уже которую за ночь, чашку горячего кофе. Допил его, наполнил чашку гущей со дна кофейника и спокойно, на глазах у онемевших однокурсников, полил коричневой жижей аккуратно исчерченный ватман.

— Все!
— А что теперь? — спросили друзья.

— Пойду в артисты. Каждый должен делать свое.

От последнего чертежа до первой песни оставалось еще целых четыре года. От первой песни и до последней — всего 20 лет.

25 июля 1980 года
Когда Высоцкий умер, многие ведомства оказались захваченными врасплох. На высоте оказалась, пожалуй, лишь МВД. В Москве шла Олимпиада, был прекрасный пятничный день, на стадионах востро раздавали медали, и, казалось, всем было не

до того. Только к двенадцати дня под окнами кирпичного кооперативного дома на Малой Грузинской собралось человек тридцать. Стояли молча, окаменев.

Через несколько часов вышла «Вечерка» с «рамкой». Спасибо «Вечерке», она была одна... «Рамка» выглядела скромно, всего несколько строк: «с глубоким прискорбием... артист Театра на Таганке...» Что ж, все верно. «Рамка» — не место для эмоций. Документ. Чего не заслужил, того не перечислишь.

Чего же он не заслужил? Одного места среди 10-тысячного писательского Союза — как раз за пару недель руководство рассматривало его заявление и не сочло. Значит, не поэт, и поэтические почести не положены. Не композитор — ну, это он и сам сколько раз говорил. Что не народный — это, конечно, факт. Но даже после Гамлета и Дон Жуана не заслужил, представьте, и заслуженного.

Просто артист...

К ночи народу внизу прибавилось. С балкона восьмого этажа были видны обращенные вверх лица. Стояли всю ночь. Это тоже давняя традиция русской поэзии...

Утром откликнулся «Голос Америки», сумев в краткую информацию мастерски уложить большую бестактность. «Умер менестрель Владимир Высоцкий, муж известной в Советском Союзе французской киноактрисы Марины Влади». Какая прозрачная язвительность! Менестрель, мол, известен благодаря французженке-жене. Да и французженка хорошо известна только в Советском Союзе...

В отличие от иных творцов, имеющих от своей лиры все, кроме признания сограждан, Высоцкий знал вдохновляющую мощь нашей любви. (Не здесь, не мимоходом, а особыми словами надо бы рассказать о той, кого он любил и кто любила его, — о его русской жене Марине Владимировне Поляковой, действительно больше известной у нас как французская киноактриса Марина Влади). Не только ребята с присков, студенты Харькова или рыбаки Приморья гордо заявляли о своей подвальной египетской таланту. Ю. Трифонов, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, П. Капица, М. Ульянов... Какая концентрация творческой мощи только в этой малой части славных людей нашего Отечества, глубоко почитавших неповторимый дар Владимира Семеновича Высоцкого.

Но даже эти проницательнейшие из граждан страны были светло потрясены тем проявлением всенародной любви, которая выплеснулась на Таганскую площадь, на Верхне-Радищевскую улицу, на Интернациональную улицу, через Язую и дальше, дальше, на пять километров по набережной. Не могло быть

и речи о том, что скромное старое здание театра, где шло прощание, пропустит сквозь себя хоть малую толику скорбящих. Но люди стояли.

К началу второго стало безоговорочно ясно, что и проблеска надежды нет. И тогда люди стали просить впереди стоящих передать туда, в театр, цветы. Их передавали над головами.

У студии документальных фильмов в этот понедельник чего-то не было — то ли аппаратов, расписанных на Игры, то ли пленки, предназначенной для свершений. Река цветов текла над тысячами человеческих голов, но нам никогда уже не видать этого величественного зрелища, которое во всей неповторимости смогли познать только вездесущие мальчишки, рискованно обсевшие ветви деревьев и даже крышу станции метро.

Впрочем, все обошлось благополучно. Кажется, никому в огромной толпе не отдавили даже ноги. Милиция в этот день была безукоризненна — вежлива, услужлива, предупредительна. Наверное, правда, что по случаю Олимпиады в Москву были отобраны лучшие ее представители.

А может, дело не в отборе. Может, милиционеры были самые обычные. Просто те, кто, возможно, никогда не слышал очень смешного «Милицейского протокола», со слезами провожали капитана Жеглова...

Еще не вечер...

В начале 1982 года по просьбе журнала «В мире книг» я писал одну из первых тогда публикаций о Владимире Семеновиче Высоцком. Задача, которую я тогда поставил перед собою, была такой: говоря о стихах, постараться как бы между прочим, но четко разъяснить читателям, что никогда Высоцкий не «сидел», ни с какою шпаной не ящасялся, что был он человеком очень начитанным, что по-французски не только пел, что мама его Нина Максимовна, добрая, приветливая, была переводчицей с немецкого, а Семен Владимирович — боевой офицер и знающий инженер.

Сегодня, когда вспоминаешь тогдашнее непроницаемое молчание вокруг Высоцкого, личную отагу редакторов, которые осмеливались напечатать это имя, поразительную нелепость домыслов вокруг его жизни и смерти, не расселенных даже прощанием на Таганке и ни разу с тех пор не завядшим холмом живых цветов на Ваганьковском, — осознаешь, какой большой путь мы успели пройти от шепота к полногласию, от унизительной озлобленности последствиями честности к самой честности.

И насколько больший путь предстоит...

В. НАДЕИН.

Голос Высоцкого

требователен к себе. Не только к творчеству, хотя к нему — прежде всего. Строгие, обременительные для беззаботного здравствования нравственные законы, которые вменяет в долг русскому поэту русская поэзия, он приобрел самым естественным образом. Именно: взрастил в себе.

Вот почему, как ни доволен он бывал порою, что удается писать достоверно, но цель свою видел всегда в одном — писать честно.

Правда... Все так жаждут ее писать, отыскивать, воплощать и даже доносить до других... Отчего же не каждому это дается? Казалось бы, куда как просто: не лги. Не допускай разрыва между словом и делом. Не допустил? Молодец! Теперь-то правда у тебя сама собою получится, потому как больше получится просто нечему.

Но у писателя, у поэта слово — оно и есть дело. И никакого разрыва между ними нет и быть не может. Написал слово — сделал дело. Какое слово — такое и дело.

Писательская правда — это когда нет разрыва между жизнью и жизнью. Между своей жизнью и жизнью народа. И никто не знает, куда надо ехать в творческую командировку, чтобы такого разрыва избежать. И на чем. Высоцкий последние годы ездил на «мерседесе», и ничего. Дело не в родине автомобиля, а в родине человека.

«Ваше любимое место?» — спросили его в одной анкете. Видевший красоты полумира, он ответил: «Самотека, Москва». «Ваша любимая песня?» — «Вставай, страна огромная». Чувство родины-страны, родины-Москвы, родины — Первой Мещанской улицы владело им до того безраздельно, что даже искривляясь ирония шутливой песни вдруг прерывалась четкой нравственной заповедью: «И на по-

рящий рейхстаг...» — это видения не для визитов, даже не для развлекательных концертов. (Не зря же Высоцкий редко говорил «слою», никогда — «исполню». Предпочитал совсем просто: «покажу вам песню»). Это одно.

Есть и другое. Оно схоже, но относится не к песне — к певцу. Высоцкий был таким человеком, к которому визиты, банкеты, юбилеи, вся эта светская мишура никак не прилипали. Когда он шел петь для людей (как бы опасаясь раздосадовать его, а и сейчас избегаю нелюбимых им слов «концерт», «вокал», «эстрада»), он шел на трудную мужскую работу и еще более трудный нравственный экзамен: «Я к микрофону стал, как к образам... Нет, нет, сегодня — точно к амбразуре».

кухне и петь без перерыва». Мы знаем вещи, которые никто после него никогда уже, наверное, не отважится исполнять. «Кони», например. А «Братские могилы» пел Марк Бернес — и надо ли напоминать, как Марк Бернес пел?

В творчестве Высоцкого вообще много такого, что невозможно втиснуть в жесткие рамки привычных представлений. Его искусство не поддается разъятию на составные части. Музыка, стихи, артистизм, голос... Все вместе — это Высоцкий. А вычти, убери что-нибудь одно. Убери голос... Или убери поэзию... И что тогда останется?

А Высоцкий и останется. В каждой своей части он — весь. И в голосе он весь. И в стихах. «Когда на наших глазах играл и пел Высоцкий, мы видели, как

сов. Вот базарит площадное просторечье, а вот храмовая торжественность высокого стиля. «В синем небе, колокольнями проколотом, медный колокол, медный колокол...»

А рядом — ослепляющая, непредсказуемая, захватывающая дух фантазия образного решения. Комбат, который развернул Землю в обратную сторону, оттолкнувшись ногой от Урала. «Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья».

И конечно, деталь. Глубоко достоверная, незаемная, ни разу не бывшая в употреблении. Эта деталь до того завораживает своей безупречной точностью, что возникает жесткая убежденность: нет, такого придумать нельзя, как нельзя вспомнить, чего не ведал.

«Не тот ли вы Владимир Вы-

Музыка, 1989, 24 июля